

Мария Майофис, Илья Кукулин

Позднесоветская литература об этнических депортациях в полемике с советским романом воспитания¹

Maria Mayofis, Ilya Kukulin

Late Soviet Literature on Ethnic Deportations in Controversy with the Soviet Novel of Education

Мария Майофис (Амхерст-Колледж (США), приглашенный профессор; кандидат филологических наук) mmaiofis@gmail.com.

Илья Кукулин (Стэнфордский университет (США), приглашенный преподаватель; кандидат филологических наук) ikukulin@gmail.com.

Ключевые слова: роман воспитания, этнические депортации в СССР, Семен Липкин, Анатолий Приставкин, постколониальные исследования литературы

УДК: 821.161.1, 82-1/-9, 82-311.6
DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_255

В русской литературе 1980-х были сформированы несколько моделей постколониального и посттравматического романа воспитания (*Bildungsroman*), которые были «вытеснены» (в психоаналитическом смысле) и забыты в ходе постсоветских трансформаций исторического сознания общества. В этой статье обсуждаются две повести: «Декада» Семена Липкина (1979–1980) и «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина (1981). В центре сюжета обеих этих повестей — депортации народов Северного Кавказа, осуществленные по решению Сталина и советского руководства в 1944 году: у Приставкина речь идет о чеченцах, у Липкина — о вымышленном народе тавларов, обобщающем черты нескольких депортированных этносов. Оба произведения имеют гибридную жанровую природу, и в обоих авторы независимо друг от друга переосмысливают элементы классического и советского *Bildungsroman* — так, что обе повести имеют значимые параллели с англоязычными постколониальными романами воспитания, созданными в начале XXI века. Анализируя повесть Липкина, мы специально останавливаемся на значении декад литературы и искусства — важной формы парадной репрезентации «дружбы народов», необходимой для осуществления советской национальной политики.

Maria Mayofis (PhD.; Visiting Assistant Professor, Amherst College (USA)) mmaiofis@gmail.com.

Ilya Kukulin (PhD.; Visiting Faculty, Stanford University (USA)) ikukulin@gmail.com.

Key words: Bildungsroman, ethnic deportations in the USSR, Semion Lipkin, Anatoly Pristavkin, post-colonial literary history

UDC: 821.161.1, 82-1/-9, 82-311.6
DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_255

Authors of Russophone literature of the 1980s elaborated one or more models of the postcolonial and post-traumatic Bildungsroman, which were “suppressed” (in Freudian sense) and forgotten in the course of the post-Soviet transformations of society’s historical consciousness. This paper discusses two novellas: *The Decade* by Semyon Lipkin (1983) and *The Inseparable Twins* by Anatoly Pristavkin (1981). The basis of both novellas’ plots is deportation of the peoples of the North Caucasus, initiated by Stalin and the other Soviet leadership in 1944: Pristavkin’s story concerns the Chechens, Lipkin’s one — the fictional nation of Tavlars, which summarizes the features of several deported ethnic groups. Both works are of a hybrid genre, and both authors independently revisit elements of the classical and Soviet Bildungsroman, so that their novellas have significant parallels with English-language postcolonial Bildungsromans created at the beginning of the 21st century. When analyzing Lipkin’s novella, we particularly discuss the significance of “decades of literature and art” — an important form of ceremonial representation of the “friendship of peoples” necessary for the implementation of Soviet national politics.

1 Благодарим за ценные консультации Е.А. Добренко и К.К. Султанова.

Сегодня в русистике все более энергично раздаются призывы развивать новые, пост- и деколониальные подходы к изучению русскоязычной литературы и литератур других народов России. Наиболее заметная часть этой работы — анализ и разоблачение экспансионистских и «государствоцентрических» мотивов в произведениях разных эпох. Такие разоблачительные сюжеты вызывают, вероятно, наибольшие споры и в академических кругах, и за их пределами. Мы полагаем, однако, что сегодня важно выявить различные типы постколониального и деколониального письма, *уже присутствующие* в русской литературе, но прежде не опознанные и даже вытесненные из публичного поля в 1990—2020-е годы.

В этой статье мы надеемся показать, что в русской литературе 1980-х были сформированы несколько моделей постколониального и посттравматического романа воспитания, которые были «вытеснены» (в психоаналитическом смысле) и забыты в ходе постсоветских трансформаций исторического сознания общества. По справедливому замечанию Н.Е. Копосова, травмирующие антисталинистские публикации периода перестройки воспринимались в кругах интеллигенции и политических активистов прежде всего как инструмент делегитимации политического режима [Копосов 2011: 111—136, 179—180]. После того как в начале 1990-х в стране сменилась система власти, большинство педагогов, журналистов, популяризаторов не имели интеллектуальных инструментов для соотнесения описания травм прошлого и событий настоящего, поэтому в популярной культуре конца 1990-х — 2000-х годов репрессии сталинского времени изображались словно бы с далекой эпической дистанции [Дубин 2006]. Сегодня перечтение позднесоветских постколониальных романов воспитания открывает новые возможности для того, чтобы российская культура стала более открытой и диалогичной, чем прежде.

1

Повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1981) и Семена Липкина «Декада» (1979—1980) написаны почти одновременно. Оба эти произведения не могли быть опубликованы в СССР до периода перестройки; повесть Приставкина была издана в 1987-м, Липкина — в 1989-м. Обе они достаточно известны, особенно первая: в 1990-е годы «Ночевала тучка» была включена в программы по литературе для российских школ и сохраняется там и сегодня²; впрочем, неизвестно, что будет после объявленного в 2023 году радикального пересмотра списка литературных произведений, изучаемых в школе³.

2 В разных программах эту повесть предполагается изучать в разных классах в диапазоне от 7-го до 10-го. Планы «типовых уроков» по повести Приставкина в интернете см.: <https://tinyurl.com/muabvte8> (дата обращения: 03.03.2024); <https://infourok.ru/urokrazdume-v-klasse-po-povesti-a-i-pristavkina-nochevala-tuchka-zolotaya-2096128.html> (дата обращения: 03.03.2024). О преподавании романа Приставкина в школе регулярно публикуются статьи в специализированных журналах, см.: [Курбатова 2007; Подкопаева 1989; Ребель 2003] и пр.

3 См.: Гордеев В. Школьную программу по литературе расширили советскими писателями // РБК. 2023. 26 апреля (<https://www.rbc.ru/society/26/04/2023/64496eb89a7947a88abd9d1> (дата обращения: 03.03.2024)).

В обзорных статьях и главах книг о русской литературе периода перестройки «Ночевала тучка...» и «Декада» обычно перечисляются через запятую — среди художественных произведений, осмысляющих сталинские репрессии и, в частности, этнические депортации в СССР. Формально говоря, это правильно, однако такая констатация лишь в очень малой степени позволяет увидеть своеобразие эстетической и этической проблематики обоих этих текстов. Это своеобразие становится заметным именно при сопоставлении двух повестей друг с другом. Несмотря на большое количество критических работ о Приставкине⁴ (впрочем, научных работ о его повести совсем немного), такого сопоставления до сих пор сделано не было.

В этой статье мы попробуем предложить эскизный анализ обоих произведений и показать, что на их поэтику оказала существенное влияние эстетическая и моральная традиция, стоящая за европейским романом воспитания (*Bildungsroman*) XVIII—XX веков, и частично, с большими трансформациями, усвоенная советским романом воспитания, а затем — что параллели между этими сочинениями объясняются частичным сходством задач, которые решали два писателя.

2

Повесть «Декада» была написана в 1979—1980 годах и впервые вышла в нью-йоркском издательстве «Chalidze Publications» в 1983 году [Липкин 1983]⁵. По-видимому, работать над ней Семен Липкин начал вскоре после того, как он и его жена Инна Лиснянская вышли из Союза писателей СССР в знак протеста против исключения из этой организации Виктора Ерофеева и Евгения Попова — молодых писателей, которые вместе с Лиснянской и Липкиным приняли участие в неподцензурном альманахе «Метрополь»⁶. После этого поступка Липкин и Лиснянская остались без легальных средств к существованию — но и перестали зависеть от советских цензурных инстанций. Иначе говоря, повесть была написана, скорее всего, сразу для публикации в тамиздате. Липкин, постоянно стремившийся обойти советскую цензуру с помощью намеков, эзопова языка и других «маневров» (как вспоминал Евгений Витковский, Липкин в начале 1970-х сказал ему: «Я привык с уважением относиться к станку Гутенберга»⁷), здесь дал себе полную свободу — насколько только это было возможно.

Повесть оказалась недооценена в критике — прежде всего потому, что у рецензентов даже в неподцензурных изданиях не было языка для того, чтобы о ней говорить. Характерно, например, что Виктор Некрасов в своей одобри-

-
- 4 Шкловский Е. Как брат брата: заметки о повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...» // Правда. 1988. 29 августа. См. также: [Кардин 1987; Лошкарева 1987]. Из научных работ можно назвать, например: [Колядич 1992].
 - 5 В дальнейшем при цитировании повести Липкина все страницы указаны по этому изданию в круглых скобках после цитаты.
 - 6 См. об этом: [Дело «МетрОполя» 2006; Митрохин 2006]. Если быть точными, Ерофеев и Попов формально не были исключены из Союза писателей — после попытки опубликовать в СССР сборник неподцензурной литературы «Метрополь» решение об их приеме не было утверждено вышестоящей организацией Союза. Но, поскольку обычно процедура утверждения происходила автоматически, по сути речь шла именно об исключении.
 - 7 Мемуарный очерк Витковского был помещен на сайте «Век перевода»: <https://www.vekperevoda.com/1900/slipkin.htm> (дата обращения: 03.03.2024).

тельной по тону и довольно большой по объему рецензии в эмигрантской газете «Новое русское слово» в основном пересказывает содержание повести, почти ее не анализируя⁸. Липкину удалось написать, по-видимому, первое в истории русской литературы произведение, отрефлексированно работающее с постколониальной и постимперской проблематикой — всего через два года после того, как в издательстве «Pantheon Books» вышла книга Эдварда В. Саида «Ориентализм», один из первых манифестов постколониальной теории (1978). В литературном же отношении повесть Липкина представляет собой сложный и необычный жанровый и стилистический гибрид⁹.

Место действия повести — вымышленная советская автономная республика Гушано-Тавлария (второе слово — от тюркского «тав» — гора; «тавлар» — горы), объединяющая черты нескольких автономных областей или республик, образованных в 1920—1930-е годы для проживания двух этнических групп. Так были сформированы Чечено-Ингушская и Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область¹⁰. Из этих групп в период Второй мировой войны чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы были полностью депортированы в Среднюю Азию по обвинению в коллаборационизме, кабардинцы — частично¹¹. Согласно воображаемой географии Липкина, Гушано-Тавлария находится где-то поблизости с Чечено-Ингушетией.

Гушаны и тавлары изображены в повести одновременно с двух точек зрения. Прежде всего, это два мусульманских кавказских народа, которые подвергаются специфически советской модернизации. Политические и культурные элиты этих народов изображены большей частью с нескрываемым сарказмом, непривилегированные персонажи — с глубоким сочувствием и подробными объяснениями для читателей специфически кавказских и исламских «подтекстов» их высказываний, поступков и решений. В 1944 году тавларов выселяют в Киргизию по голословному обвинению в сотрудничестве с гитлеровцами, которые ненадолго захватывают столицу республики — Гугирд. В повести подробно изображены страдания тавларов в изгнании. После XX съезда КПСС тавларам разрешают вернуться на родину.

Другой ракурс изображения гушанов и тавларов — неомифологический. И по сюжетным отступлениям в далекую древность, и по манере письма по-

8 Некрасов В. Познакомимся с прозаиком Липкиным // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1983. 12 июня. № 26158. Перепечатано в журнале «Вопросы литературы»: 1997. № 3. С. 324—326.

9 В этой статье мы опираемся на результаты ранее предпринятого анализа: [Кукулин 2012: 878—883].

10 Хаджи-Мурат Сабанчиев полагает, что тавлары — просто эвфемизм, примененный Липкиным для обозначения балкарцев [Сабанчиев 2007]. Мы вслед за П.М. Поляном полагаем, что оба описанных у Липкина народа — все же собирательные образы [Полян 2010: 640]. Этот вывод можно сделать на основании слов самого писателя, который вспоминал о том, что для него была большой травмой депортация всех горских народов Северного Кавказа, и сказал об этом, в частности, в открытом письме к руководству союзов писателей СССР и РСФСР по поводу гонений на авторов альманаха «Метрополь» [Липкин 2008: 179]. Фрагмент из письма Липкина косвенно подтверждает связь между отказом поэта от соблюдения советских литературных конвенций и возникновением замысла «Декады».

11 Из кабардинцев по распоряжению Л.П. Берия были без суда депортированы около двух тысяч человек, обвиненных Берией в сотрудничестве с нацистами. Общий очерк истории этих депортаций см., например: [Полян 2001: 116—131].

весть Липкина напоминает произведения авторов неомифологической прозы, или литературы магического реализма: романа Томаса Манна «Иосиф и его братья» и произведений латиноамериканских писателей¹². Неомифологизм в 1970-е годы был очень модным среди советской критически настроенной интеллигенции, и, что особенно важно, лучше всего привился именно в советских литературах Кавказа — прежде всего в грузинской¹³. Вся 6-я глава «Декады» представляет собой «изложение» исторического мифа гушанов, придуманного Липкиным, по-видимому, на основании доступных ему исследований зороастризма и доисламского пласта мифологии адыгов — группы кавказских этносов, в который входят, в частности, черкесы и кабардинцы¹⁴. Для понимания приведенной далее цитаты нужно знать, что в центре Гушано-Тавларской АССР стоит священная двуглавая гора Эльбавенд, «срисованная» с Эльбруса¹⁵.

...Не умерло старинное имя гушанов: так продолжало себя называть небольшое племя, поселившееся у подножья Эльбавенда, той двуглавой горы, где когда-то кузнец Кова приковал к скале царя-змея. Платили гушаны дань Руму (Византии. — *М. М., И. К.*), и позднее хазарскому кагану, но голову держали высоко, гордились своим происхождением. Христианскую веру принес им Рум, но продолжали гушаны поклоняться огню, как заповедал Зардушт (Заратустра. — *М. М., И. К.*). Забыли гушаны, правда, что огонь создал Ахура-Мазда, Многоведающий, и, хотя отвергли двоичность Ахура-Мазды и Ангра-Манью, познав благодать святой Троицы, трепетали они перед богом огня. Они утверждали: огонь очага соединяет людей, он есть союз. <...> Они пошли за аварцем Шамилем на битву с белым царем, и Русь одолела их, взяла их землю, но не отняла у них огонь. А огонь есть не только тепло очага, сияние светильника и язык человека, огонь есть неугасимая память о прошлом. И еще огонь — память о родстве. Нередко такая память превращается в золу, и зола тлеет, но не гаснет (с. 54, 57).

Этот «авторский миф» выполняет в повести минимум две функции. Он говорит о глубокой древности народов, о которых пишет Липкин, и тем самым придает культурную значимость двум небольшим группам, живущим на окраине империи, сравнимую с русскими и евреями, — что было очень важным для Липкина, который всегда обостренно воспринимал свое еврейство. Один из персонажей повести, горский еврей Авшалумов, сравнивает тавларов и евреев как два народа, изгнанные с родины. Обращаясь к тавлару Мураду Кучиеву, он говорит: «В рассеянии мы остались великим народом. Теперь судьба испытает, — будет ли твой народ великим, изгнанный на чужбину? Что дороже — множество песка или горсть жемчужин?» (с. 68). Вторая функция: образ священного огня, отсылающий к зороастризму, одновременно является

12 Липкин мог читать его в переводе Соломона Апта или в оригинале, так как хорошо знал немецкий. Вся анализируемая далее шестая глава по интонации и по обращению к мифологически-древним временам напоминает вступление к «Иосифу и братьям», начинающееся словами: «Прошлое — это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?» (пер. С. Апта).

13 Об общих чертах неомифологической литературы см.: [Мелетинский 2000: 277–372].

14 По современным данным, зороастризм действительно оказал влияние на древние верования некоторых народов Северного Кавказа.

15 У Эльбруса две вершины: Западная и Восточная. Гора находится на территории двух республик в составе России: Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

метафорой подавленной, репрессированной исторической памяти гушанов и тавларов, которая, однако, в будущем обязательно «вспыхнет», то есть оживет вновь.

Повесть Липкина, таким образом, имеет черты неомифологического исторического эпоса, а поскольку речь в ней идет о репрессированных народах, перед нами антитоталитарный неомифологический эпос. Еще один жанровый компонент этого произведения — «роман с ключом». В повести под собственными именами участвуют руководители СССР (Сталин, Маленков, Хрущев) и деятели русской культуры (Федор Сологуб). Некоторые другие персонажи связаны с узнаваемыми, но менее известными историческими прототипами. Тавларский поэт-сказитель Мусаиб Кагарский по своей биографии отчетливо напоминает балкарского поэта Кязима Мечиева (1859—1945), который вместе с другими балкарцами был депортирован в Среднюю Азию и последние свои стихотворения посвятил именно депортации — как и Кагарский из «Декады». Прототип вернувшегося из лагерей чеченского писателя и ученого Анзорова, скорее всего, Халид Ошаев (1897—1977), автор многочисленных романов и пьес и создатель первой версии чеченского алфавита на основе латинской графики, действительно отсидевший в ГУЛАГе в 1937—1953 годах. В изображении руководителей Гушано-Тавлари Липкин использует факты из биографии кабардинского чиновника Зубера Кумехова (1910—1988) — первого секретаря Кабардино-Балкарского областного комитета ВКП(б) и председателя Совета народных комиссаров Кабардино-Балкарской АССР. 25 февраля 1944 года, сразу после депортации чеченцев и ингушей, Кумехов отправился в Грозный, где встретился с руководителями НКВД. На этой встрече он, по-видимому, поддержал предполагаемую депортацию балкарцев и предложил из кабардинцев выслать из республики только несколько тысяч «особо опасных» [Полян 2001: 124]. В повести Липкина история Кумехова разделена между двумя персонажами. Главный партийный чиновник среди гушанов Даниял Парвизов (в начале повести — секретарь обкома по пропаганде, в дальнейшем — первый секретарь обкома Гушанской АССР) спасает свой народ, вовремя подсунув Георгию Маленкову во время конфиденциальной встречи в 1944 году нужную цитату из Сталина (с. 26—27), а глава совнаркома республики тавлар Акбашев тогда же пытается отделаться выселением только части тавларов, но, в отличие от Кумехова, терпит поражение:

...дал ему Девяткин совет: когда поедет Акбашев в Москву (подходящий предлог для этого найдем), пусть добьется личного свидания с товарищем Маленковым и вручит ему список тавларов — предателей родины, числом, скажем, в пять тысяч: так, мол, предотвратишь поголовное выселение всего народа, ста тысяч человек. И Акбашев сам, не доверяя подчиненным, составил список, в который вошли пропавшие без вести воины Красной Армии (и их семьи, разумеется), личные недруги Акбашева, предполагаемые или действительные, дальние родственники репрессированных (близкие родственники давно были отправлены в лагерь или в ссылку), несколько сот семей, оставшихся при немцах в Гугирде. И добился Акбашев личного свидания с Маленковым, и вручил ему отпечатанный на меловой бумаге список, и угрюмое бабье лицо Маленкова вроде бы помягчело, но нет, не помог список, плохой совет дал Девяткин, копию списка отправят в Казахстан, и Акбашева — в Казахстан, Акбашева, такого же спецпереселенца, как и весь его народ, только в мягком вагоне он поедет. Или в купейном? (с. 24)

Возможно, Липкин рассчитывал, что среди его читателей будут и такие, кто знает историю Кумехова — и они поймут его намек: судьба депортированных народов полностью зависела от произвола Сталина, Берии и иных советских руководителей. Попытки «спасти свой народ» могли привести к успеху только в результате случайности, а не в результате «правильно» или «неправильно» выбранной стратегии.

Наконец, еще один жанровый компонент повести — роман воспитания. В повести два главных героя. Первый из них — Станислав Бодорский, неподцензурный поэт и переводчик гушанских и тавларских писателей, объединяющий в себе узнаваемые черты Арсения Тарковского и, менее заметные, самого Липкина¹⁶. Второй — тавларский мальчик Алим Сафаров, родившийся, видимо, в начале 1930-х (у него, насколько можно судить, нет очевидных реальных прототипов). Подростком он уходит в изгнание вместе со своим народом, а позже, повзрослев, становится русскоязычным писателем, постоянно играющим с советской цензурой, чтобы все-таки прорваться в печать с историями, опирающимися на травматическую память тавларов.

Главы о взрослой жизни Сафарова показывают *становление гибридного постколониального интеллектуала в советском контексте*¹⁷. Понятие постколониального интеллектуала впервые обосновал Эдвард Саид в своем эссе 1986 года, где доказывал, что такие авторы бросают вызов общепринятым клише, выражающим отношение представителей метрополии к колониальному Другому [Saïd 1986]¹⁸. Энгин Исин пишет:

То, что делает постколониальных интеллектуалов постколониальными — это понимание их места в имперско-колониальном порядке. А то, что делает их интеллектуалами — это понимание их позиции в режимах знания-власти. <...> Постколониальные интеллектуалы подрывают (traverse) и позиции господства, и позиции подчинения [Isin 2018: XI—XIV]¹⁹.

Mutatis mutandis все эти определения применимы и к Сафарову: он старается определить — точнее, создать заново — свое место в отношениях имперского центра и колониальной по сути автономной республики. Дневник Сафарова показывает: он хорошо осознает, насколько советские репрезентации жизни тавларов являются инсценировкой, направленной на поддержание существующих отношений культурной и политической власти.

Сафаров оказывается важнейшим интеллектуальным собеседником Бодорского. И в реальной жизни, и в воображении Бодорского они говорят на тему, которая в начале 1980-х была, а сегодня, в 2020-х, вновь становится жгуче

16 Бодорский уверен в том, что происходит из древнего кавказского рода, чьи потомки переселились в Польшу и стали шляхтичами. Подобную же историю любил рассказывать о себе и Тарковский (подробнее см.: [Султанов 2019]). Сцена встречи юного Бодорского с Федором Сологубом, по-видимому, основана на дословной записи (Липкиным) мемуарных рассказов Тарковского, который пришел в гости к Сологубу, чтобы показать свои стихи, в 1926 году, за год до смерти мэтра.

17 По-видимому, не случайно герой носит имя Алим: скорее всего, Липкин помнил о семантике этого арабского по происхождению мусульманского имени — «ведущий», «знающий».

18 О современном состоянии дискуссий см.: [Ponzanesi 2021].

19 Здесь и далее, если иного не оговорено, перевод иноязычных цитат выполнен авторами статьи.

болезненной: возможно ли сохранение многонационального государства после тех репрессий, которые центральная власть обрушила на народы Северного Кавказа — и далеко не только на них, и после тех эксцессов, которые сопровождали их возвращение? В «Декаде» изображены и травма изгнания (на примере тавларов), и травма возвращения, повлекшего за собой конфликты с новыми жителями опустевших сел и городов — на примере чеченцев. Липкин едва ли не единственный русскоязычный писатель, изобразивший массовые беспорядки в Грозном в августе 1958 года, вызванные столкновениями чеченцев, возвращавшихся на родину из ссылки, и русских, которые были поселены на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР²⁰. По-видимому, Липкин знал об этих событиях или как непосредственный свидетель, или «из первых рук», но соединил — вполне сознательно — описания волнений в Грозном в 1958 году и в Новочеркасске в 1962-м²¹. Формально финал повести относится к концу 1950-х годов, однако внутренний монолог Бодорского в нем плавно переходит в размышления повествователя в настоящем времени — так, что они разворачиваются словно бы одновременно и в конце 1950-х, и в конце 1970-х:

Неужели Алим Сафаров — некий предвестник некоего возрождения? Но возможно ли возрождение после событий в Грозном? Никогда еще не было у нас такой ненависти мусульманских народов к русским, русских — к инородцам. <...> О, вершины кавказских гор, придет смутный день, и вы оторветесь от России, но вы будете по ней тосковать, по моей бедной России, бедной моей России (с. 184).

Это темпоральное «раздвоение» подготовлено предшествующей сценой минутного секса писателя Мансура Азадаева и чехословацкой журналистки Власты; по демонстрируемой всеми участниками событий легкости нравов эта ситуация могла произойти в СССР только после сексуальной революции 1960-х годов. Да и возлюбленная Сафарова Оля напоминает молодых интеллектуалок не 1950-х, а скорее 1970-х годов. Ее стихи — «входящий в моду верлибр» (с. 177); мода на верлибры в русской поэзии стала распространяться в 1960—1970-е [Гаспаров 2000: 283].

3

Классический роман воспитания (Bildungsroman) сложился в европейских литературах, прежде всего в немецкой, в XVIII — начале XIX века. Уже в XVIII—XIX веках европейские нарративы воспитания (Bildung) были переосмыслены

20 Об этих волнениях см.: [Козлов 2006: 204—234]. После депортации чеченцев и ингушей в 1944 году территория Чечено-Ингушской АССР была разделена между Грузинской ССР, Северо-Осетинской АССР и Дагестанской АССР, а на оставшейся части была образована Грозненская область. В 1957 году Чечено-Ингушская АССР была юридически восстановлена, но в других границах — в частности, переданный Северной Осетии в 1944 году Пригородный район не был возвращен в состав республики.

21 Так, Липкин сделал командующим расстрелом толпы в Грозном реальное историческое лицо — генерала Ису Плиева. Однако он командовал войсками при подавлении волнений в Новочеркасске, но не в Грозном. В липкинском варианте событий в город входят танки, чего не было в Грозном, но было в Новочеркасске. Однако начало бунта в Грозном Липкин описывает довольно близко к тому, как его описывают современные историки на основании данных следствия.

в русской культуре — в результате появляется русский роман воспитания (характерный ранний пример — «Капитанская дочка» Александра Пушкина) [Steiner 2011]. Жанровая конвенция романа воспитания предполагает, что герой или героиня на пути взросления проходит через множество испытаний, но в конце обретает новую мудрость и новую связь с сообществом, к которым и вели его эти испытания [Kontje 2019]²². Франко Моретти полагает: роман воспитания возникает потому, что юность (молодость) как переходное состояние в XVII—XVIII веках превращается в социальную проблему. Одновременно изображение взросления и связанных с ним поисков становится символической формой, изображающей перипетии модернизации [Moretti 1987]²³.

Сафаров в процессе катастрофических испытаний — депортации тавларов — переживает вхождение в мировую культуру, то есть устанавливает связь со всеобщим, и в этом смысле сюжетная линия Сафарова — это Bildungsroman во вполне классическом значении этого понятия. В повести Липкина очень важна роль ссыльного университетского тюрколога Николая Гензельта, который рассказывает Сафарову историю Евразии как набор переплетающихся многотысячелетних сюжетов, пересказывает ему Геродота и древних китайских историков. Более того, в младшем поколении персонажей Сафаров единственный, кто переживает процесс Bildung. Гушанские писатели примерно того же возраста, которые взрослеют одновременно с Алимом — Мансур Азадаев и Мухаббат Хизриева — выглядят провинциальными интриганам, готовыми послушно играть по советским правилам и, более того, кажется, не умеющими жить иначе, но не потому, что они гушаны, а потому, что они конформисты, только и умеющие, что пользоваться конъюнктурой.

Однако, в отличие от ситуации классического Bildungsroman, Сафаров и в финале повести не может достичь целостного самосознания: он по-прежнему не понимает, как быть тавларом и как быть писателем. Он признается себе в том, что плохо знает тавларский — потому что вырос в ссылке, где вокруг многие говорили по-русски, — и даже Коран может читать только в русском переводе.

В повести приведены фрагменты его дневника:

Что бы я ни писал, даже смешное, даже будничное, — есть моя молитва Богу. Так не все ли равно, на каком языке я молюсь, на русском или тавларском? Почему же мои соплеменники недовольны тем, что я пишу по-русски? Разве от этого я становлюсь менее тавларом, чем они? Разве они, забывая Бога, — а они его забывают, — могут оставаться тавларами? Разве они могут оставаться тавларами, будучи рабами? А они — рабы (с. 178).

От Алима в его Bildung постоянно требуется экзистенциальное усилие: он стремится осмыслить и полученную тавларами коллективную травму, и историю этого этноса — но отказывается от национализма и возврата к патриархальному сознанию. Травма Алима, по сути, имеет постколониальный смысл: он осознает для себя значение российской культуры и становится русскоязычным писателем — и хорошо понимает, что его народ депортировали солдаты, действовавшие по приказу московских властей. Он мог бы стать или конформи-

22 См. также: [Selbmann 1994].

23 См. особенно с. 18—24 о «Годах учения Вильгельма Мейстера».

стом, или консервативным националистом, но отказывается быть и тем, и другим: для того, чтобы преодолеть эту дихотомию, он стремится стать неподцензурным писателем, говорящим о неупоминаемой публично травме тавларов. От этого решения его отговаривает Бодорский. Удивительно, что решение не уходить в самиздат принимает персонаж неподцензурной повести — но в подцензурной литературе оно не могло бы и обсуждаться. Бодорский уговаривает Сафарова принять участие в декаде гушано-тавларской культуры и искусства, которая должна пройти в Москве, по-видимому, в 1958 году.

Вопрос об участии в декаде приобретает для Сафарова экзистенциальный характер. Участие означало сохранение себя в публичном, подцензурном поле, то есть согласие хотя бы отчасти играть по правилам советской литературы. Сафаров сначала отказывается, но потом соглашается — после долгих размышлений, артикулированных в дневнике:

У тебя, если ты совестлив, есть только одна жалкая, грязная возможность: служить [советской власти] плохо. Я буду служить плохо. Служить не как верная Личарда и не как продажный Фуше. Служить, как колхозники-тавлары служили в «Мече революции» (колхоз для ссыльных в Киргизии. — *М.М., И.К.*), как и сейчас служат все колхозники на общественных полях. И только на своем приусадебном участке, — на своих страницах, — я буду служить преданно и честно, служить Истине. Боже, не игру ли я затеваю? Я поеду на декаду (с. 183).

Таким образом, обе декады гушано-тавларской культуры, изображенные в повести, становятся своего рода «пробным камнем» для Бодорского, а вторая — еще и для Сафарова. Своим согласием на участие, своим взаимодействием с местными культурными элитами, установлением этических границ, которые они готовы или не готовы перейти — они переводят это внешнее событие в разряд внутренних, индивидуальных испытаний. Для того чтобы понять, почему Липкин поставил два этих культурных фестиваля в центр своей повести, необходимо разобраться в том, какое значение декады национальных культур имели в советской культурной политике 1930—1960-х годов.

4

В советской иерархии праздников декада считалась высшей формой репрезентации — и инсценировки — культур национальных и автономных республик в Москве. Гораздо реже декады проводились не в Москве, а в столицах союзных республик, но и в этом случае предметом репрезентации была *другая* культура (например, декада белорусского искусства в Узбекистане в 1966 году). Декады искусства, или декады литературы, или декады культуры и искусства автономных и союзных республик СССР в Москве проходили регулярно с 1930-х до 1960-х годов. Иногда, если речь шла не о союзных, а об автономных республиках в составе РСФСР, они могли называться «показами культуры и искусства» такой-то республики, но суть от этого не менялась. Они включали в себя гастроли театральных и танцевальных коллективов, оркестров, премьеры новых фильмов, выступления писателей, художественные выставки.

Декады национального искусства считались в СССР важным инструментом культурного менеджмента [Kaplan 2020]. Так, выступая с установочным докладом на Первом съезде художников СССР в феврале 1957 года, официальный

художник Борис Иогансон утверждал: «Художники братских республик демонстрируют значительные успехи не только на многочисленных выставках на местах, но особенно на декадах национального искусства в Москве и на все-союзных выставках»²⁴. В переводе с советского бюрократического языка на общепонятный это означало: отбор для участия в декаде был важнейшим способом установки «правильных» иерархий среди художников в национальных республиках — и, конечно, перегруппировки уже существовавших иерархий.

Декады решали еще одну важнейшую задачу — менеджмента национальных напряжений. Так, декада абхазской литературы и искусства в Тбилиси, проведенная 16—26 ноября 1957 года [Прицкер 1981: 30], по-видимому, была призвана урегулировать отношения между абхазскими и грузинскими политическими и культурными элитами после периода принудительного «огрузинивания» абхазов в конце 1940-х — начале 1950-х годов (перевод абхазского языка на грузинский алфавит, перевод школьного обучения на грузинский язык и пр.). В 1953—1956 годах меры по насильственному «огрузиниванию» были постепенно отменены, но без каких-либо публичных деклараций. Характерно, что декада грузинской культуры в Москве — в которой участвовали и абхазские художники — была проведена сразу после декады абхазской культуры в Тбилиси: таким образом и грузинским, и абхазским элитам было отправлено сообщение о том, что грузинская культура имеет большое значение для центральной власти, однако национальная политика в Грузии в дальнейшем будет — или должна стать — более сбалансированной.

После установления режимов «народной демократии» в странах Восточной Европы советские администраторы начали организовывать в СССР имевшие аналогичную функцию декады культуры и этих стран: они совмещали парадную презентацию и решали политически-менеджерские задачи. Так, в июне — июле 1957 года были проведены декады культуры Литовской ССР в Польше и польской культуры в Литве²⁵. Сделано это было, очевидно, чтобы по возможности улучшить отношения между политическими и культурными элитами двух стран, сильно испорченные в предшествующее десятилетие. Руководство Литовской ССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов развернуло репрессии против этнических поляков и польской культуры — скорее всего, по собственной инициативе, а не по указке из Москвы. «В течение 1949—1950 годов все [польские] школы были переведены на литовский или русский язык обучения. <...> Поляки были вытеснены практически со всех руководящих должностей» [Зубкова 2008: 160]. В октябре 1950 года ЦК ВКП(б) даже пришлось принимать специальное постановление, чтобы одернуть своих литовских подчиненных [Там же: 161]. Вероятно, эти две декады были особенно необходимы советскому руководству после прихода к власти в Польше в октябре 1956 года коммунистов-реформаторов во главе с Владиславом Гомулкой.

Очевидно, что такие мероприятия должны были готовиться с пристальным вниманием к персональному составу участников. Так оно и было. Из подробного отчета о республиканском совещании работников литературы и искус-

24 Иогансон Б.В. Состояние и задачи советского изобразительного искусства // Советская культура. 1957. 1 марта. С. 2.

25 См.: [Б.а.] Декада литовской культуры в Польше // Советская культура. 1957. 27 июня. С. 1; [Б.а.] Закончилась декада польской культуры в Литве // Литературная газета. 1957. 2 июля. С. 1.

ства Грузии, проведенного в начале октября 1957 года в Тбилиси, можно видеть, что на нем писателей и художников энергично делили на «агнцев» и «козлищ» (главным «грешником» был объявлен драматург Виктор Габескирия, публичное поношение которого, видимо, должно было напугать всех остальных), и от художников всех видов искусства требовали создания шедевров, которые могли бы способствовать наилучшему представлению республики на декаде грузинского искусства в Москве, которая должна была состояться — и прошла — через полгода, 21 марта — 1 апреля 1958 года²⁶. Стратегией республиканских властей стала привычная для Советского Союза штурмовщина, но важно, что декада понималась как культурный аналог республиканской выставки на ВДНХ в Москве.

По-видимому, такое отношение к декадам было характерно и для других региональных элит. Поэтому вполне правдоподобно выглядит эпизод повести Липкина, в котором гушанские поэты-соцреалисты Мансур Азадаев и Мухаббат Хизриева плетут друг против друга интриги, чтобы не допустить своего конкурента до участия в декаде (с. 170—174). Липкин был одним из первых писателей, сказавших о роли локальных элит в конструировании лояльных советских версий национальных культур («социалистических по содержанию»).

Если посмотреть на список декад, видно, что они распределены во времени очень неравномерно — и не только из-за Второй мировой войны. Можно выделить две волны декад. В рамках каждой из этих волн решались разные задачи.

Первая волна приходится на 1936—1941 годы: в нее входят декады украинского (март 1936-го), казахского (май 1936-го), грузинского (январь 1937-го), узбекского (май 1937-го), азербайджанского (апрель 1938-го), кыргызского (май — июнь 1939-го), армянского (октябрь 1939-го), белорусского (июнь 1940-го), бурятского (октябрь 1940-го) и таджикского (апрель 1941-го) искусства. Эти декады были направлены, по-видимому, на презентацию искусства национальных республик, только что «отформатированного» на основании новых принципов культурной политики — сочетания перформативной национальной экзотики и социалистического реализма («национальная по форме, социалистическая по содержанию»). Это «форматирование» анализирует в своей диссертации Исабель Каплан, подробно показывая, как была организована декада азербайджанского искусства в 1938 году и как она повлияла на культурную жизнь СССР [Kaplan 2017: 136—182]. На декаде белорусского искусства в июне 1940 года в Москве были представлены оркестры и хоры из Восточной и из Западной Беларуси, только что — в сентябре 1939 года — аннексированной СССР по результатам вторжения в Польшу [Kaplan 2020: 83].

В послевоенные годы декады изредка проводились, но на 1955—1960 годы приходится вторая волна, когда эти помпезные мероприятия следовали друг за другом довольно часто: за декадой белорусской литературы и искусства (февраль 1955-го) последовали «показы», посвященные советским культурам Башкирии (июнь 1955-го), Туркмении (октябрь 1955-го), Латвии (декабрь 1955-го), Армении (май — июнь 1956-го), Эстонии (декабрь 1956-го), Таджикистана (апрель 1957-го), Татарии (май — июнь 1957-го), Кабардино-Балкарии (июнь — июль 1957-го), Адыгеи и Карачаево-Черкесии (октябрь 1957-го), Якутии (де-

26 *Корреспондент «Советской культуры»* [sic!]. Советский художник живет одной жизнью с народом. На республиканском совещании работников литературы и искусства Грузии // Советская культура. 1957. 8 октября. С. 2.

кабрь 1957-го), Грузии (март — апрель 1958-го), Киргизии (октябрь 1958-го), Казахстана (декабрь 1958-го), Узбекистана (февраль 1959-го), Азербайджана (май — июнь 1959-го), Карелии (август — сентябрь 1959-го), Бурятии (ноябрь — декабрь 1959-го), Дагестана (апрель 1960-го), Молдовы (май — июнь 1960-го), Северной Осетии (август — сентябрь 1960-го), Украины (ноябрь 1960-го).

Декады второй волны, насколько можно судить, были нужны для урегулирования тех напряжений, которые возникли в результате репрессивной политики Сталина — в частности, этнических депортаций, уничтожения интеллигенции в автономных и союзных республиках, избирательной дискриминации. Подготовка таких декад вынуждала думать и говорить о репрессированных художниках и о разгроме целых культурных сообществ во время Большого террора. В 1959 году к предстоящей декаде узбекской культуры, которая должна была пройти в Москве, в Ташкенте был издан сборник переводов сосланных в Узбекистан крымско-татарских писателей «Дни нашей жизни»²⁷. Подготовка к декаде украинской культуры в 1960 году заставила украинских писателей вспомнить о «расстрелянном возрождении» — масштабном движении украинского модернизма 1910-х — 1930-х годов²⁸. Важнейшие представители украинского модернизма были расстреляны в карельском урочище Сандармох в 1937 году.

В случаях, когда такие декады проводились дважды или трижды на протяжении 1930—1950-х годов — как, например, украинская, казахстанская или грузинская, — оттепельные культурные фестивали должны были быть довольно болезненными для тех, кто помнил предыдущие декады — и о том, кто из их участников в дальнейшем исчез и, пользуясь выражением из русского перевода Дж. Оруэлла, превратился в нелицо.

Особенно заметным было присутствие недавних травм в декадах — «показах» — культуры автономий, население которых прежде подверглось депортациям: Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области. Проведение этих декад было приурочено к организованным в 1957 году юбилейным торжествам по случаю 400-летия «добровольного присоединения к России» народов этих республик. В действительности соответствующие регионы были завоеваны Российской империей в несколько этапов на протяжении XIX века. 400-летие отсчитывалось от военного союза, который заключил в 1557 году верховный князь Малой Кабарды Темрюк с Иваном Грозным. По случаю этого же юбилея Карачаево-Черкесская и Адыгейская автономные области и Кабардино-Балкарская АССР были награждены орденами Ленина²⁹.

Однако вся эта помпезность и исторические натяжки прикрывали довольно печальное состояние дел. Только в 1957 году карачаевцы и балкарцы были реабилитированы и начали возвращаться на родину, и только в том же 1957-м автономии на Северном Кавказе получили свои прежние двойные на-

27 См.: Дни нашей жизни: Сборник произведений татарских писателей / [Пер. с крымско-татар. О. Мальцева]. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1959.

28 См. об этом: [Maуofis 2023].

29 См. парадные материалы на эту тему: Правда. 1957. 28 сентября. С. 1—2. В газете говорится о «добровольном присоединении» к России Адыгеи и Карачаево-Черкесии, как если бы она существовала в XVI веке. Более топонимически корректное «присоединение Кабарды к Русскому государству» было упомянуто в приветственном письме руководства СССР и КПСС руководителям Кабардино-Балкарии (Правда. 1957. 6 июля. С. 1). О сложном взаимодействии нальчикских и московских чиновников, стоящем за этим «юбилеем», см.: [Тихонов 2017].

звания. Представители интеллигенции прежде репрессированных народов до этого года не могли ничего публиковать на родных языках и вообще заявлять о своем существовании. Соответственно, у них было мало возможностей участвовать в этих декадах. Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Хатута Бербеков в своей парадной статье, приуроченной к открытию декады, говорит о едином «кабардино-балкарском народе» и единой «кабардино-балкарской литературе»³⁰ — но среди авторов этой литературы без комментариев упоминает балкарцев Кязима Мечиева, умершего в ссылке, и Кайсына Кулиева, который добровольно отправился в ссылку за другими балкарцами (в повести Липкина некоторые черты его биографии переданы Мураду Кучиеву). Только во время декады кабардино-балкарской культуры в Москве Кулиев смог встретиться со своим ближайшим другом, кабардинским поэтом и прозаиком Алимом Кешоковым, с которым они не виделись с 1944 года³¹.

О связи декад с механизмами перераспределения символической власти было известно советским деятелям культуры и партийным чиновникам, но это никогда не проговаривалось публично — разве что с помощью бюрократических эвфемизмов, как в речи Б. Иогансона. Описывая диалоги Бодорского и Сафарова о том, стоит ли участвовать в декаде, Липкин деконструирует этот важный советский культурный институт. По-видимому, неделя гушано-тавларской культуры — собирательный образ на основе декад 1) адыгейской и карачаево-черкесской и 2) кабардино-балкарской культур. Они были проведены до волнений в Грозном, а не после, как это описано в «Декаде», но Липкин переставил местами события, чтобы в финале повести сделать акцент не на межнациональный конфликт, а на скрытую, тихую реабилитацию национальной культуры в подцензурных условиях.

Липкин подчеркивает роль «оттепельных» декад как напоминаний о коллективной травме. Декада с участием его героев проходит в Москве дважды, и первый раз — в 1949 году, только как гушанская; о тавларах на ней никто не вспоминает. Эта декада нужна для того, чтобы показать, в каких условиях, требующих изворотливости и угадывания конъюнктуры, персонажи младшего поколения (Мансур Азадаев, Матвей Капланов и др.) вписывались в советский литературный истеблишмент (как раз этот «стиль жизни» и отвергает Сафаров). Еще одна цель этой главы — показать, как московские руководители Союза писателей и Сталин выстраивали иерархии в национальных литературах и в советском искусстве в целом.

Прототипом этой декады была декада таджикской литературы в Москве, проведенная в сентябре 1949 года; Липкин участвовал в ней как переводчик знаменитого таджикского писателя Садриддина Айни³². Тогда Липкин действительно был на приеме в Кремле, детально и, видимо, почти дословно описанном в повести; на нем Айни восторженной репликой перебил произносящего тост Сталина — так же, как в повести его перебивает Хаким Азадаев. Однако кавказских прототипов у описанного Липкиным сюжета не было:

30 Бербеков Х. Светлая ночь // Советская культура. 1957. 20 июня. С. 1.

31 Аппаева Е. Мы горской песни два крыла // Горянка (газета). 2017. 1 ноября (<https://nalchik.bezformata.com/listnews/gorskoj-pesni-dva-krila/62205514/>) (дата обращения: 03.03.2024).

32 Об этом Липкин рассказал критику Станиславу Рассадину, см.: Рассадин С. Человек преодолевающий // Новая газета. 2001. 17 сентября. № 67.

после того, как кабардинская и черкесская культуры уже не могли быть представлены в паре со своими «визави», их декады в Москве не проводились.

Вторая описанная в повести декада, 1958 года, с точки зрения Бодорского, необходима для реабилитации тавларов — именно поэтому он просит Сафарова об участии в ней. Однако, несмотря на явственную симпатию к Бодорскому, Липкин отделяет свою точку зрения от точки зрения своего героя и деконструирует ее (по-видимому, их кругозоры сближаются только в финальном абзаце). Мысли Бодорского о том, что Сафарову не стоит жениться на русской неподцензурной поэтессе, что его женой должна стать «правильная» тавларка, безропотно подчиняющаяся мужу, — показывают, что Бодорский не понимает гибридности сознания своего ученика, которую понимает читатель благодаря тому, что в повесть включены фрагменты записных книжек Сафарова. Это непонимание объяснимо: Бодорский сталкивается с подобной гибридностью первый раз в жизни, а Липкин уже знал о реальных гибридных авторах-нонконформистах — в диапазоне от Фазиля Искандера до распространявшего свои тексты в самиздате крымско-татарского писателя Энвера Умерова.

Если использовать сегодняшнюю терминологию, то, описывая подготовку к гушано-тавларской декаде, Липкин думал о том, возможно ли в рамках постколониальной культуры решать эмансипационные задачи. Об этом же размышляет и его персонаж — Сафаров. Сама его готовность отвечать на этот вопрос показывает, что он стал зрелым постколониальным интеллектуалом. Это достижение зрелости, по-видимому, означает, что роман воспитания подошел к логическому завершению.

5

Уже во второй половине XIX века роман воспитания меняется — как полагал Франко Моретти, в ответ на изменение социально-политической ситуации в Европе [Moretti 1987: 27—28]. И Моретти, и более поздние исследователи обращают внимание на то, что роман воспитания в разных европейских литературах больше не заканчивается тем, что герой или героиня обретают устойчивую социальную позицию — их будущее (особенно в случае героя-мужчины) оказывается неопределенным; становится возможен и трагический финал, то есть смерть главного персонажа [Ibid.: 73; Salmon 2019].

Эта же неопределенность в высшей степени важна для постколониального романа воспитания — жанра, формирующегося во второй половине XX века [Hoagland 2019]. Хано Пилич полагает, что в основе такого романа лежит прежде всего травма, полученная главным героем/героиней и основанная на дискриминации по признаку расы, гендера и пр. [Piric 2013]. Именно этот эффект мы можем видеть в «Декаде»: Сафаров переживает травму не только в связи с депортацией, но и потому, что он тавлар, то есть принадлежит к «запрещенному» этносу.

В «Декаде» присутствуют и другие черты постколониального романа воспитания. Для того чтобы их описать, нужно учесть ключевые дискуссии, которые развернулись в 1990—2010-е годы в связи с этим типом романа. В целом Алим Сафаров очень похож на героев таких произведений, созданных писателями «колониального» происхождения, и это очень интересно, потому что Липкин с точки зрения ортодоксальной постколониальной теории — предста-

витель гегемониальной культуры метрополии. Тем не менее и он сам, и его герой Бодорский поддерживают постколониального интеллектуала Сафарова.

Мария Хелена Лима полагает, что для постколониальных писателей сам выбор жанра романа воспитания, по своему происхождению глубоко европейского, а значит, по ее мнению, потенциально колонизаторского, является всякий раз парадоксальным, потому что выстраивание биографии героя/героини по лекалам *Bildungsroman* «позволяет воспроизводить культурный империализм, который неизбежно отделяет интеллектуала третьего мира от сообщества и культуры, присущих ему или ей по рождению» [Lima 1993: 434]. С этим сложно согласиться, так как в современном, стремительно меняющемся мире не существует стабильных «сообществ, присущих по рождению». Фен Чи пишет, отвечая на вопрос о «европейскости» *Bildungsroman*: сегодня этот жанр «является наиболее подходящим символическим выражением» стремления смягчить чувство бездомности, испытываемое теми, кто лишен чувства сообщества или нации в результате колониальных захватов [Chea 2003: 242]. Исследователь полагает: для многих «трудность деколонизации заключается в том, что [часто] не существует сообщества, с которым субъект мог бы примириться [в результате действия *Bildung*]» [Ibid.: 243]. Развивая мысль Фен Чи, Эрика Хогланд пишет о «затруднительном положении многих героев постколониальных романов воспитания, которым, возможно, суждено никогда не прекращать поиск, никогда не переставать задаваться вопросом, кто они и где их место» [Hoagland 2019: 218]. Суть постколониального романа воспитания, по Хогланд — «постоянное исцеление травматического наследия колониализма в процессе самосовершенствования [героя]. Гармоничная развязка, по крайней мере, в том смысле, в каком она понимается в европейском *Bildungsroman*, не наступает и не гарантируется» [Ibid.: 219].

Все это применимо к истории Алима Сафарова. Бодорский в своем заключительном монологе фактически выражает надежду на то, что Сафаров — единственный известный ему пример советского интеллектуала, который может «исцелить травматическое наследие колониализма» в процессе своего самосовершенствования. Но Бодорскому в пределах повести остается неизвестным содержание записных книжек Сафарова, а читатель знает о том, что Сафаров чувствует себя бесприютным и не готовым примкнуть ни к какому уже существующему сообществу. Быть тавларом для него означает писать для еще не существующих тавларов, избавленных от рабского сознания.

«Декада» позволяет по-новому, в оптике постколониального романа воспитания прочитать произведение гораздо более известное, чем повесть Липкина, но написанное одновременно с ней, независимо от нее и анализирующее ту же ситуацию — как возможно взросление и соединение со всеобщим после советских этнических депортаций. Это повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая».

6

Повесть Приставкина (часть автобиографической трилогии) впервые была опубликована в 1987 году в журнале «Знамя» (№ 3 и 4). По жанру она тоже является романом воспитания, но не столько жанровым гибридом, как «Декада», сколько жанровой инверсией и полемикой с советскими романами воспитания.

Основных версий советского романа воспитания можно выделить две. Первая — историко-революционная, описывающая становление общественного борца, в диапазоне от «Как закалялась сталь» Николая Островского (1934) до «Мальчика из Уржума» (1936) Антонины Голубевой. Вторая — интеллигентская, прямо ориентированная на традиции европейского Bildungsroman XIX века; образцовое произведение этого типа — роман Вениамина Каверина «Два капитана» (1945)³³ с явными аллюзиями на «Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса (например, Ромашев как вариация Урии Хипа)³⁴. В обеих версиях взросление представало как «преодоление трудностей» и творческое выстраивание собственной жизни³⁵.

По-видимому, конкретным советским произведением, с которым полемизировал Приставкин, была повесть Александра Неверова «Ташкент — город хлебный» (1923), во многом заложившая основы советского романа воспитания. Как и у Неверова, главные герои Приставкина — два мальчика, которые путешествуют по разоренной стране, один из них по ходу действия погибает. Повесть Неверова имеет благополучный финал — настолько, насколько был возможен такой финал у произведения, у которого и временем написания, и временем действия был период массового голода в Поволжье 1921—1922 годов: Мишка Додонов после долгих испытаний все же добирается до Ташкента и, проработав там несколько месяцев у богатого крестьянина, возвращается в родное село с двумя огромными мешками хлеба — правда, к этому моменту из всей его большой семьи в живых осталась только мать. Но Мишка полон решимости восстановить разрушенный быт.

Увидел сухой лошадиный помет, вспомнил про лошадь: покупать придется. Увидел гнездо куриное с двумя перышками на почерневшей соломке, грустно вздохнул: заново придется налаживать ему все хозяйство. Лошади нет и курицы нет...

<...> Поднял дугу почерневшую, поставил в угол, встал около мешков с пшеницей, твердо сказал:

— Ладно, тужить теперь нечего, буду заново заводиться... [Неверов 1924: 166].

Такого финала у Приставкина нет и быть не может. Герои его повести оказываются в более сытом, чем Подмосковье, месте — но это не (относительно) мирный Ташкент, а Северный Кавказ 1944 года, откуда за несколько месяцев до приезда туда эвакуированных детей войска НКВД депортировали чеченцев и ингушей. Кузьменьши, два мальчика-близнеца, видят пустые дома и поля, но лишь постепенно узнают, почему эти прежде населенные пространства обезлюдели.

За весь наш многочасовой путь не попала нам ни подвода, ни машина, ни случайный путник. Пусто было кругом.

Поля дозревали. Кто-то их засевал, кто-то пропалывал, убирал. Кто?..

На долгом нашем пути была деревня, кто-то ведь в ней жил... Отчего же так пустынно и глухо встретила нас эта красивая земля? Отчего даже здание техникума... было пустынным, без единого человека? [Приставкин 2010: 67]³⁶

33 Первая версия романа была опубликована в 1940 году.

34 Подробнее см.: [Майофис 2017].

35 Другую концепцию соцреалистического романа воспитания см.: [Лахусен 2000].

36 В дальнейшем при цитировании повести Приставкина все страницы указаны по этому изданию в круглых скобках после цитаты.

Так же, как и для некоторых классических романов воспитания («Приключения Оливера Твиста») и повести Неверова, для повести Приставкина очень важно описание голода главных героев. Однако радикальное и жесткое описание того, насколько разрушителен голод для психики героев, напоминает скорее рассказы Варлама Шаламова, чем романы воспитания. Только немного подкормившись в опустевшей Чечне, Кузьменьши обретают способность реагировать на более сложные сигналы, чем еда. Первыми такими сигналами является отсутствие населения в опустошенной стране, которое на уровне восприятия выглядит как фрейдовское «жуткое» (*Unheimlich*). После этого сначала Кузьменьши, а затем Колька и Алхузур открывают для себя искусство. В описании первого эстетического опыта Приставкин, по-видимому, вновь вступает в диалог с классической традицией *Bildungsroman* — и тут уже можно вспомнить даже не Диккенса, а «Годы учения Вильгельма Мейстера», который большинство современных исследователей считают первым зрелым романом воспитания в европейской литературе. Важнейшими впечатлениями для становления Мейстера оказываются театр и песня. Аналогичные «встречи с искусством» подробно описаны и у Приставкина — но в менее возвышенном регистре, чем у Гёте. Когда Кузьменьши едва ли не впервые в жизни встречаются с музыкой, ее носителем оказывается «бывший солдат» Демьян:

Демьян пел вроде бы негромко, но лихо у него это выходило. Он будто пел про Регину Петровну, про себя и про этот их домик, куда он, будто в хуторок, приехал погостить... Кузьменьши от зависти приподнимались на цыпочки, шеи вытягивали, стараясь заглянуть Демьяну в рот... Так сильно, так гладко управлял он своим красивым голосом. И чеченская балалаечка с тремя струнами играла-переливалась на русский манер под его рукой. Вот чудно-то!

В этот момент все братья ему простили, обормоту хитрому: и заначенный арбуз, и козу с сигаркой, и даже его приставаания к воспитательнице Регине Петровне.

И вот что потрясло ребят: оказывается, и не тюремную песню, а про какую-то там вдову можно петь так, что пробирает мороз до косточек (с. 199—200).

После гибели Сашки и знакомства Кольки с Алхузуром мальчики попадают в детприемник для беспризорников, где много слепых детей — но всех их, и слепых, и зрячих, приводят на показ спектакля «Двенадцать месяцев» по новой для того времени пьесе Самуила Маршак³⁷:

Колька сидел рядом с Антоном, по другую сторону сидел Алхузур. Они пытались пересказывать Антоше все, что видели на сцене, но это было так трудно! Злая мачеха велит своей падчерице принести зимой красных ягод земляники, и девочка уходит в ледяной лес. Она замерзает от холода, но вдруг... Как бы Колька описал это, если вдруг прямо посреди поляны загорелся, вспыхнул огромный костер и вокруг него сидели двенадцать месяцев.

Алхузур онемел от восторга, а Колька рот открыл, и слюнка потекла.

Антоша же дергал их за руки и просил: «Ну, что там? Что там?» Никогда ребята не были в театре и выходили будто пьяные. Дорогой Колька молчал, боялся со словами растерять что-то из увиденного (с. 260).

37 Описание этой постановки — анахронизм А. Приставкина: пьеса была завершена и опубликована в 1943 году, до депортации чеченцев и ингушей, но впервые поставлена не в 1944 году, когда происходит действие повести, а 10 марта 1945 года на сцене Свердловского дворца пионеров.

И наконец, Колька и сам читает другим сиротам стихотворение Лермонтова — и не может произнести слово, связанное с одним из ключевых понятий повести Приставкина — одиночеством.

А потом зрячие ребята выступали каждый с чем мог, а Колька стал читать стихи...
Про тучку золотую.

...Но остался влажный след в морщине

Старого утеса...

Колька замолчал и посмотрел на слепых: они, вытянув шеи, напряженно слушали. Будто боялись пропустить даже его молчание... А оно затягивалось, потому что у Кольки перехватило дыхание и сжало горло. Он никак не мог выговорить слово «одинок»... (с. 261)

Наконец, важнейший элемент Bildungsroman — встреча со значимым старшим, который стремится просветить взрослеющего героя. Роль такого старшего в повести Приставкина выполняет Регина Петровна; одновременно она принимает участие в спасении Алхузура, так как помогает выдать его перед энкавэдэшниками за брата Кольки Кузьмина. Тем не менее неизвестно, не разоблачат ли те же или другие энкавэдэшники Алхузура впоследствии.

Опустевшая Чечня и лишь шепотом называемые «чечены» изображены в повести сразу из двух перспектив. С одной стороны, о них постепенно — и далеко не сразу — узнают дети, и в этом случае и сами чеченцы, и места, откуда их изгнали, предстают как *Unheimlich*: то, что должно быть обжитым, но внезапно оказывается страшным и чреватым смертью³⁸. С другой стороны, о «стертой» культуре советской Чечни иногда начинает говорить взрослый саркастический повествователь, знание которого намного превышает знание мальчиков-Кузьменьшей:

В простенках, по обе стороны сцены, проглядывали какие-то нерусские надписи, их замазали масляной краской и частично прикрыли портретами вождей. Так что выходило: вожди как бы своими спинами стыдливо прикрывали свои собственные призывы, только на другом, нежелательном теперь языке (с. 146).

В повести Приставкина, на первый взгляд, гораздо менее заметно влияние модернистской прозы, чем у Липкина. Однако есть одна резко заметная ее черта, отличающая ее от классической прозы и уж тем более от социалистического реализма — осциллирующий нарратор. Повесть написана в основном в третьем лице с использованием традиционного «всезнающего повествователя», но периодически нарратор вдруг непредсказуемо переключается в первое лицо, при котором то рассказывает о Кузьменьшах со стороны («Еще жили в нашей комнате два брата, Кузьмины, мы их звали Кузьменьши», с. 252), то совпадает с Колькой:

Эта повесть, наверное, последний мой крик в пустоту: откликнитесь же! Нас же полтыщи в том составе было! Ну хоть еще кто-то, хоть один, может, услышит, из выживших, потому что многие потом, это и на моих глазах частью было, начали пропадать, гибнуть на той, на новой земле, куда нас привезли... (с. 29)

Ср. также фрагмент, где нарратор видит разоренное чеченское кладбище глазами Кольки:

38 Это этимологическое объяснение значения слова «*Unheimlich*» предлагает Зигмунд Фрейд в своем одноименном эссе 1919 года.

На рассвете, лишь рассеялся густой туман, прикрывавший долину, и с поля потянуло ветерком и запахом горелой травы, мы вдвоем пробрались тихим двором, где рядом с желтым бугорком директорской могилы торчала повозка с камнями. Видать, ее вчера так и не смогли вытащить. Мы скользнули в наш лаз и выбрались к кладбищу. Впрочем, кладбища уже не было. Валялись тут и там побитые и выкорчеванные камни, готовые к отправке, да рыжела вывернутая земля (с. 243).

Это осциллирование выполняет минимум две функции: из него следует, что главный герой повести (если он все-таки совпадает с нарратором) остался в живых и что он не забыл тех травматических этических и исторических открытий, которые ему пришлось сделать в опустевшей Чечне, и не отступился от них. Наоборот, повесть и является результатом этого постижения.

В классическом романе воспитания главный герой часто, хотя и не обязательно, по ходу действия разгадывает тайну, связанную с другим персонажем или его/ее собственным происхождением (пример второго — «Приключения Оливера Твиста» Ч. Диккенса³⁹). В повести Приставкина герои, и в первую очередь Колька, постепенно разгадывают другую тайну — совершенного государством преступления, о котором было известно многим из первой когорты читателей Приставкина.

Ирина Муравьева, автор одной из первых рецензий на повесть в эмигрантской периодике, полагала: взгляд ребенка дает Приставкину возможность остраненного описания преступлений государства.

Детским взглядом, свежим и острым, как первая зелень, охватывает повесть действия взрослых людей, и взгляд этот полон недоумения, ибо одиннадцатилетний ребенок, сколько бы он ни пережил, имеет только один опыт — опыт здорового чувства. Самый логичный и самый точный. Исходя из него, он и выносит свой приговор. <...> ...Тот безобразный процесс перемещения наций, которого... не знала человеческая история, находит в книге этой какое-то неповторимое свое преломление, потому что, как всё в ней, освещается удивленным взглядом ребенка [И.М. 1988: 263, 265]⁴⁰.

В классическом Bildungsroman и общение со значимым старшим, и искусство должны вести героя к «правильной» социализации и преодолению внутренних противоречий, как это происходит у Гёте. Однако у Приставкина пережитые тяготы не «снимаются» в смысле гегелевского *Aufhebung*, а катастрофа остается в сознании персонажа. Для демонстрации того, что положенный в основу повести конфликт остался неразрешенным и ситуация по-прежнему кризисная, и Приставкин, и — менее очевидно — Липкин продолжают сюжет в современности нарратора. Липкин в финальном монологе Бодорского говорит фактически о кризисе межэтнических отношений в СССР 1970-х годов. У Приставкина нарратор, который, возможно, был когда-то Колькой Кузьминым, встречает в Москве конца 1970-х бывших сотрудников НКВД, которые продолжают похвастаться своими «подвигами» в ходе этнических депортаций.

Вот на Кавказе... Мы там этих, черных, вывозили. Они Гитлеру продались! <...>
А у нас ведь как положено: голову тащишь в штаб, а там кто-нибудь из ихних опо-

39 О «Твисте» как о романе воспитания см., например: [Stević 2014].

40 Подпись расшифрована в том же номере журнала «Грани», где помещена и эта рецензия, в перечне справок об авторах на с. 313.

знает, и вычеркивают из списков. Ахмет или еще кто... Ну, там, до весны, орден дали, а потом татар переселял... Больше на тот свет... Калмыков, литовцев... Тоже злодеи, фашисты, сволочи такие...

И вдруг я услышал что-то уже знакомое, слышанное давным-давно. Наверное, там же на Кавказе:

— Всех, всех их надо к стенке! Не добили мы их тогда, вот теперь хлебаем (с. 242).

У Липкина единственной надеждой на преодоление скрытой розни между обществами России и Северного Кавказа остается гибридное самосознание Сафарова и дружба между Бодорским и Сафаровым. У Приставкина аналогичным источником надежды становится побратимство Кольки и Алхузур. И Колька, и Алхузур тоже, кажется, готовы считать себя гибридными субъектами. Так, Алхузур объясняет Кольке, что река Сунжа по-чеченски — «Солжа» (более точно — Соьлжа хи), что означает «две реки», хотя река на вид и одна (в современной науке нет общепринятого мнения об этимологии этого гидронима). Колька констатирует, что они с Алхузуром и есть Солжа, то есть двое, объединенные в одно, и начинает учить простые слова чеченского языка, например «бепиг» — хлеб.

— Теперь ты мой брат, — сказал, подумав, Колька. — Мы с тобой Солжа... <...> А хлеб это для нас с тобой бепиг, а для них хлеб — это хлеб... (с. 238)

В ответ Алхузур соглашается выдавать себя за Сашку — среди русских:

— Во дает! — воскликнул Колька и тут же оглянулся, заткнул себе рот. Негромко продолжал: — Ты прям как Сашка... он то же самое говорил!

— Я Саск... — подтвердил Алхузур. — Я будыт хырош Саск... А там... — он указал на горы, — я буду хырош Алхузур... А хлеб будет бепиг, а кукуруза — качкаш... А вода будыт хи... (с. 245)

В повести Приставкина можно проследить и влияние неомифологической прозы — но гораздо более скрытое, чем в повести Липкина. Описывая — от первого лица — визит Кольки и Алхузур на разоренное чеченское кладбище, нарратор предвидит будущее возвращение чеченцев — и дорога, по которой идут герои, приобретает черты метафорического спиритуального пути:

Ни он, ни я, конечно, не могли тогда знать, что наступит, придет время — и дети, и внуки тех, чьи имена стояли на вечных камнях, вернутся во имя справедливости на свою землю.

Они найдут эту дорогу, и каждый из вернувшихся придет сюда, возьмет камень своих предков, чтобы поставить его на свое место.

Они унесут их все, и дороги, ведущей в пропасть, не станет (с. 244—245).

Когда Сашку убили чеченские партизаны, Колька «вернулся к телу брата и сел отдышаться у его ног, рядом с кровью» (с. 218). Когда Алхузур заменяет Сашку, они с Колькой чувствуют необходимость породниться кровью — и смешивают кровь из ранок на руках. Кровь из ран — то, что буквально связывает Кольку и с его родным, и с его названным братьями. Мифологические «включения» в нарратив Приставкина указывают на надличную связь персонажей и на их участие в процессе восстановления коллективной памяти — как отчасти и у Липкина: вспомним его образ зороастрийского огня, погасающего и вспыхивающего.

В рамках постколониального подхода такое использование неомифологических «вставок» выглядит глубоко логичным. Они нужны для указания на гибридную идентичность Кольки и Алхзура, у обоих мальчиков основанную на целой серии травм, и «гибридизация» как раз и помогает им пережить свою травмированность. Как только Алхзур сообщает Кольке, что вода почеченски — «хи», Колька вспоминает чеченских детей в запертом вагоне на станции Кубань: «...из окошек зарешеченных тянулись руки, губы, молящие глаза... И до сих пор бьющий по ушам крик: “Хи! Хи! Хи! Хи!” Так вот что они просили!» (с. 245). Неомифологические элементы в повести позволяют увидеть конкретные акты насилия как свидетельство о социуме, проникнутом взаимной местью и жестокостью; гибридное самосознание мальчиков — единственный способ противостоять круговороту насилия.

Преодоление больших трудностей в советском романе воспитания является достаточной гарантией этической состоятельности героя. Однако у Приставкина герой — возможно, сочетающий в себе Кольку и взрослого нарратора — оказывается этически состоятельным именно постольку, поскольку он не может и не видит возможности преодолеть в себе травму, по крайней мере, пока он помнит о том, как мимо него — мальчика, лежащего в борозде, проезжали на лошадях чеченские партизаны, а в позднесоветской современности — пока он способен внутренне сопротивляться, встречая довольных своим ремеслом палачей, сожалеющих лишь о том, что действия их «коллег» были недостаточно жестоки. Повесть, собственно, и является важнейшим средством такого сопротивления.

7

После того как мы проанализировали повести Приставкина и Липкина в контексте постколониальных романов воспитания, мы можем вернуться к их традиционной интерпретации как антисталинистских произведений. Эта интерпретация тоже важна, но конкретное значение антитоталитарного заряда обеих повестей становится понятным только после — и на основе — их постколониального перечтения.

В европейских литературах XX века, помимо постколониального, сложился еще один жанровый подвид *Bildungsroman*, основанный на нарративе травмы, — посттоталитарный роман воспитания. В нем травма главного героя или героини является следствием не колониальной политики в ее классическом виде, а репрессий государства и атмосферы нетерпимости в обществе. Для этой модели тоже характерно пародирование или инвертирование схем классического романа воспитания [Selbmann 1994: 158—161]. В западногерманской литературе 1950-х годов формируется «антироман воспитания», или «роман антивоспитания» (термин Герхарда Майера [Mayer 1974]). Примером такого произведения является «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1959) Гюнтера Грасса, действие которого заканчивается примерно в период написания романа, как и в случае «Декады» и «Ночевала тучка золотая». Герой Грасса, трехлетний мальчик Оскар Мацерат, отказывается расти в знак протеста против лицемерия и фальши взрослого мира, на протяжении нескольких десятилетий сохраняет внешность ребенка ростом 94 см, хотя все время взрослеет (и даже сексуально созревает) внутренне. Только в 1945 году, после пора-

жения нацистской Германии, он принимает решение расти дальше. Не растущий мальчик Мацерат, однако, на всем протяжении романа отличается оглушительно громким голосом, от которого разбиваются стекла и предметы домашней утвари. Эта особенность голоса героя — символическое выражение его несовместимости с общепринятым социальным укладом.

Мацерат неожиданно напоминает другого громкоголосого персонажа — Джельсомино из детской повести Джанни Родари «Джельсомино в Стране лжецов» («Gelsomino nel paese dei bugiardi»), вышедшей за год до романа Грасса — в 1958-м. Рассмотрение вопроса о возможном влиянии Родари на Грасса не входит в наши задачи, здесь важно другое: первоначально разрушительный эффект голоса Джельсомино говорит о его глубоком конфликте с окружающим его обществом, и особенно — с обществом Страны лжецов.

По ходу действия Джельсомино постепенно учится использовать свой оглушительный голос на благо общества и благодаря этой трансформации становится великим певцом. Поэтому повесть Родари тоже близка по смыслу к роману воспитания. В отличие от романа Грасса, Родари не пишет явным образом о фашизме и не имеет в виду только прошедшую эпоху — скорее, его повесть иронически реагирует на гипнотизирующее воздействие пропаганды, особенно заметное в авторитарном обществе. Недаром в его повести Страна лжецов появилась потому, что захватившие ее пираты решили скрыть и свои преступления, и сам тот факт, что они пираты.

В совокупности эти два произведения могут быть поняты как свидетельство того, что в 1950-е годы в европейских литературах формируется посттоталитарный роман воспитания.

8

«Ночевала тучка золотая» и «Декада» выполняют в российской литературе функцию, близкую к функции посттоталитарного и постколониального романа воспитания — и эта функция оказалась в 1990—2010-е годы в значительной степени забыта и вытеснена: рефлексия того, как возможна и зачем нужна *Bildung*, то есть формирование личности, связанной со всеобщностью мировой культуры — после государственных преступлений, и, в частности, после этнических депортаций, приведших к многолетней розни и к долгодействующей коллективной травме.

И Приставкин, и Липкин показывают такое взросление, при котором персонаж не может просто преодолеть катастрофический опыт своего детства — он должен сам совершить тяжелое нравственное усилие и для социальной самореализации нуждается в том, чтобы аналогичное усилие совершил и другой герой (другие герои). Только такие встречные усилия могут помочь людям восстановить течение жизни после государственного террора. Работать с собственной травмой Сафаров может только в диалоге с Бодорским. Смешать кровь и выдавать себя за братьев Колька и Алхузур могут только в результате сначала общих усилий, а потом и помощи воспитательниц в детприемнике. Осуществленный и Приставкиным, и Липкиным подрыв нарративных стратегий «советского романа воспитания» был направлен на денормализацию, при которой примирение с прошлым и обретение устойчивого социального статуса заведомо невозможны.

Заново обретаемая Bildung в обоих произведениях с неизбежностью оказывается гибридной, совмещающей перспективы «репрессивного центра» и «репрессированного меньшинства», «официального» и «неофициального». Одна из целей этой Bildung в рамках романного мира — примирение людей помимо (и даже против) государства. Однако в рамках советской ситуации авторы могут решить проблему обретения Bildung и примирения враждующих групп только с помощью *Künstlerroman* — романа о становлении художника, потому что единственный способ для их героев сохранить память о травматическом событии — это письмо.

В обоих повестях память об этнических депортациях и о вызванной ими социальной травме оказывается необходимой для будущего. В повести Липкина это будущее названо совершенно прямо: текст завершается философско-лирическим монологом повествователя, размышляющего о возможностях отделения от России то ли описанной им обобщенной северокавказской автономной республики — Гушано-Тавларии, то ли всего Северного Кавказа. Центральный эпизод повести Приставкина — «смещение крови» — может быть прочитан как притча о преодолении этнической вражды и желания мстить, которые вызваны не только собственно депортацией, но, вероятно, и прежним насилием, с которым осуществлялась российская колонизация Северного Кавказа. В дальнейшем жажда мести, как показывает Приставкин, была характерна не только для скрывающихся в горах чеченцев, но и для энкаведэшников, которые жалеют о том, что «неподавили» репрессированные народы. Собственно, и Липкин, и Приставкин показывают в «современных» главах своих повестей позднесоветское общество как находящееся в состоянии латентной гражданской войны, поэтому антисталинизм здесь — только часть общеполитического месседжа обоих произведений.

Эрика Хогланд пишет о том, что постколониальный роман воспитания часто бывает полемическим, инвертирует важнейшие сюжетные схемы и презумпции классического *Bildungsroman* [Hoagland 2019: 218]. Приставкин, как уже сказано, представляет «вывернутую» версию советского романа воспитания, Липкин же полемизирует в целом с базовыми концепциями советского исторического романа, прежде всего с представлением о цивилизаторской функции России и с обязательным историческим оптимизмом. Оба эти типа интертекстуальной работы направлены на денормализацию, то есть на представление исторических травм как не исцеленных и не забытых.

В современной России денормализующий вектор культуры памяти сегодня не просто утрачен, но и усиленно и намеренно вытесняется из публичного пространства. Этому вытеснению способствует и возвращение в массовую культуру советских нарративов «преодоления трудностей», на основе которых формировались советские версии романа воспитания. В этих условиях повести Приставкина и Липкина важны не только как напоминания о государственных преступлениях, но и эстетически — как проблематизирующие нарративы, в которых герой покидает пространство катастрофы, но этически обязан сосуществовать с памятью о преступлениях государства, от которой невозможно уйти.

Библиография / References

- [Гаспаров 2000] — *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000.
- (*Gasparov M.L.* Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika. 2nd ed., exp. Moscow, 2000.)
- [Дело «МетрОполя» 2006] — Дело «МетрОполя»: Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / Подгот. текста, публ., вступ. ст. и коммент. М. Заламбани // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 243—281.
- (Delo "Metropolya": Stenogramma rasshirenogo zasedaniya sekretariata MO SP SSSR ot 22 yanvarya 1979 goda / Prep., publ., forew. and comments by M. Zalambani // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 82. P. 243—281.)
- [Дубин 2006] — *Дубин Б.В.* Старое и новое в трех телеэкранизациях 2005 года // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 273—277.
- (*Dubin B.V.* Staroe i novoe v trekh teleekranizatsiyakh 2005 goda // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 78. P. 273—277.)
- [Зубкова 2008] — *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940—1953. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- (*Zubkova E.Yu.* Pribaltika i Kremli'. 1940—1953. Moscow, 2008.)
- [И.М. 1988] — *И.М. [Муравьева И.]* За душу хватающая книга // Грани. 1988. № 148. С. 261—268.
- (*I.M. [Murav'eva I.]* Za dushu khvatayushchaya kniga // Grani. 1988. No. 148. P. 261—268.)
- [Кардин 1987] — *Кардин В.* «Нас было двое: брат и я...»: о романе А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Литературное обозрение. 1987. № 9. С. 45—48.
- (*Kardin V.* "Nas bylo двое: brat i ya...": o romane A. Pristavkina "Nochevala tuchka zolotaya" // Literaturnoe obozrenie. 1987. No. 9. P. 45—48.)
- [Козлов 2006] — *Козлов В.А.* Неизвестный СССР: Противостояние народа и власти. 1953—1985. М.: ОЛМА-Пресс, 2006.
- (*Kozlov V.A.* Neizvestny SSSR: Protivostoyanie naroda i vlasti. 1953—1985. Moscow, 2006.)
- [Колядич 1992] — *Колядич Т.М.* Сюжетно-композиционное своеобразие повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Дети и книга: Сб. научных трудов. Вып. 1. М.: Прометей, 1992. С. 24—30.
- (*Koliadich T.M.* Syuzhetno-kompozitsionnoe svoebrazie povesti A. Pristavkina "Nochevala tuchka zolotaya" // Deti i kniga: Sb. nauchnykh trudov. Iss. 1. Moscow, 1992. P. 24—30.)
- [Копосов 2011] — *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (*Koposov N.E.* Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii. Moscow, 2011.)
- [Кукулин 2012] — *Кукулин И.* «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970—2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846—909.
- (*Kukulin I.* "Vnutrennyaya postkolonizatsiya": formirovanie postkolonial'nogo soznaniya v russkoy literature 1970—2000-kh godov // Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii / Ed. by A. Etkind, D. Uffelmann, I. Kukulin. Moscow, 2012. P. 846—909.)
- [Курбатова 2007] — *Курбатова В.П.* Мотивы лирики XIX века в произведениях литературы XX в.: повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Русская словесность. 2007. № 3. С. 40—42.
- (*Kurbatova V.P.* Motivy liriki 19 veka v proizvedeniyakh literatury 20 v.: povest' A. Pristavkina "Nochevala tuchka zolotaya" // Russkaya slovesnost'. 2007. No. 3. P. 40—42.)
- [Лахусен 2000] — *Лахусен Т.* Социалистический роман воспитания, или провал дисциплинарного общества // Социалистический канон: Сборник статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 841—852.
- (*Lahusen T.* Sotsrealisticheskiy roman vospitaniya, ili proval distsiplinarnogo obshchestva // Sotsrealisticheskiy kanon / Ed. by H. Günter and E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000. P. 841—852.)
- [Липкин 1983] — *Липкин С.* Декада. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1983.
- (*Lipkin S.* Decada [A Decade]. New York: Chalidze Publications, 1983.)
- [Липкин 2008] — *Липкин С.* Образ и давление времени. Открытое письмо (1979) // Липкин С. «Угль, пылающий огнем...». Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008. С. 175—179.

- (Lipkin S. Obraz i davlenie vremeni. Otkrytoe pis'mo (1979) // Lipkin S. "Ugl", pylayushchiy ognem...". Vospominaniya o Mandel'shtame. Stikhi, stat'i, perepiska. Moscow, 2008. P. 175—179.)
- [Лошкарева 1987] — *Лошкарева Н.* Мы связаны одной судьбой // Октябрь. 1987. № 6. С. 204—206.
- (Loshkareva N. My svyazany odnoy sud'boy // Oktiabr'. 1987. No. 6. P. 204—206.)
- [Майофис 2017] — *Майофис М.* Как читать «Двух капитанов» // Арзамас. 2017. 16 июня (<https://arzamas.academy/mag/429-2сар> (дата обращения: 03.03.2024)).
- (Mayofis M. Kak chitat' "Dvukh kapitanov" // Arzamas. 2017. June 16 (<https://arzamas.academy/mag/429-2сар> (accessed: 03.03.2024)).)
- [Мелетинский 2000] — *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
- (Meletinsky E.M. Poetika mifa. 3rd ed., reprint. Moscow, 2000.)
- [Митрохин 2006] — *Митрохин Н.** Санитары советской литературы // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 282—290.
- (Mitrokhin N.* Sanitary sovetsoy literatury // Novoe literanurnoe obozrenie. 2006. No. 82. P. 282—290.)
- [Неверов 1924] — *Неверов А.* Ташкент — город хлебный. 2-е изд. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924.
- (Neverov A. Tashkent — gorod khlebnuy. 2nd ed. Moscow; Leningrad, 1924.)
- [Подкопаева 1989] — *Подкопаева В.С.* Это правда, взорванная совестью // Вечерняя средняя школа. 1989. № 3. С. 37—39.
- (Podkopaeva V.S. Eto pravda, vzorvannaya sovest'yu // Vecherniyaya srednyaya shkola. 1989. No. 3. P. 37—39.)
- [Полян 2001] — *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001.
- (Polian P. Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR. Moscow, 2001.)
- [Полян 2010] — *Полян П.М.* Операция «Чечевца»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / Под ред. В.А. Козлова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 639—649.
- (Polian P.M. Operatsiya "Chechevitsa": nemtsy na Kavkaze i deportatsiya vaynakhov v marte 1944 g. // Vaynakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrenney politike Rossii i SSSR (nachalo XIX — seredina XX v.) / Ed. by V.A. Kozlov. Moscow, 2010. P. 639—649.)
- [Приставкин 2010] — *Приставкин А.* Ночевала тучка золотая // Приставкин А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. Ночевала тучка золотая. Кукушата. М.: АСТ: Зебра-Е, 2010. С. 5—264.
- (Pristavkin A. Nochevala tuchka zolotaya // Pristavkin A. Sbranie sochineniy: In 5 vols. Vol. 2. Nochevala tuchka zolotaya. Kukushata. Moscow, 2010. P. 5—264.)
- [Прицкер 1981] — *Прицкер Л.М.* Советская Абхазия в датах: хронология важнейших политических, экономических и культурных событий. Сухуми: Алашара, 1981.
- (Pritsker L.M. Sovetskaya Abkhaziya v datakh: khronologiya vazhneyshikh politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh sobyitiy. Sukhumi, 1981.)
- [Ребель 2003] — *Ребель Г.* Повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Филолог (Пермь). 2003. Вып. 2. С. 35—53.
- (Rebel G. Povest' Anatoliya Pristavkina "Nochevala tuchka zolotaya" // Filolog (Perm'). 2003. No. 2. P. 35—53.)
- [Сабанчиев 2007] — *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация балкарского народа: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2007.
- (Sabanchiev Kh.-M.A. Deportatsiya, zhizn' v ssylke i reabilitatsiya balkarskogo naroda: Dr. habil. Thesis. Rostov-on-Don, 2007.)
- [Султанов 2019] — *Султанов К.К.* «Есть высоты властительная тяга...», или Кавказская тема в судьбе, стихах и переводах Арсения Тарковского // Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 320—331.
- (Sultanov K.K. "Est' vysoty vlastitel'naya tyaga...", ili Kavkazskaya tema v sud'be, stikhakh i perevodakh Arseniya Tarkovskogo // Sultanov K.K. Ugol prelomeniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyy aspekt. Moscow, 2019. P. 320—331.)
- [Тихонов 2017] — *Тихонов В.В.* История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 107—114.

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

- (*Tikhonov V.V.* Istoriya lobbirovaniya rukovodstvom Kabardinskoy ASSR 400-letiya "dobrovol'nogo prisoedineniya" k Rossii // Noveyshaya istoriya Rossii. 2017. No. 4. P. 107—114.)
- [Chea 2003] — *Cheah Ph.* Spectral Nationality: Passages of Freedom from Kant to Postcolonial Literatures of Liberation. New York: Columbia, 2003.
- [Hoagland 2019] — *Hoagland E.* The Postcolonial Bildungsroman // A History of the Bildungsroman / Ed. by S. Graham. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 217—239.
- [Isin 2018] — *Isin E.* Preface. Postcolonial Intellectuals. Universal, Specific or Transversal? // Postcolonial Intellectuals in Europe. Critics, Artists, Movements and their Publics / Ed. by S. Ponzanesi and A.J. Hated. London: Rowman and Littlefield International, 2018. P. XI—XIV.
- [Kaplan 2017] — *Kaplan I.R.* The Art of Nation-Building: National Culture and Soviet Politics in Stalin-Era Azerbaijan and Other Minority Republics: PhD Thesis. Washington, DC, 2017.
- [Kaplan 2020] — *Kaplan I.R.* Comrades in Arts: The Soviet Dekada of National Art and the Friendship of Peoples // RUDN Journal of Russian History. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 78—94.
- [Kontje 2019] — *Kontje T.* The German Tradition of the Bildungsroman // A History of the Bildungsroman / Ed. by S. Graham. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 10—24.
- [Lima 1993] — *Lima M.H.* Decolonizing Genre: Jamaica Kincaid and the Bildungsroman // Genre: Forms of Discourse and Culture. 1993. Vol. 26. No. 4. P. 431—459.
- [Mayer 1974] — *Mayer G.* Zum deutschen Antibilungsroman // Jahrbuch der Raabe-Gesellschaft. 1974. Vol. 15. No. 1. S. 41—64.
- [Mayofis 2023] — *Mayofis M.* Two Views on Ukrainian Culture of the late 1910s-early 1920s in Two Open Letters from the Year 1960 // eSamizdat. 2023. Vol. 16. P. 65—84 (<http://tinyurl.com/e6yvhjns> (accessed: 03.03.2024)).
- [Moretti 1987] — *Moretti F.* The Way of the World: The Bildungsroman in European Culture. London: Verso, 1987.
- [Pipic 2013] — *Pipic H.* Trauma in Postcolonial Bildungsroman as Reflected in Selected Novels // Is This a Culture of Trauma? An Interdisciplinary Perspective / Ed. by J.A. Lavrijsen and M. Bick. Oxford, UK: Inter-Disciplinary Press, 2013. P. 129—141.
- [Ponzanesi 2021] — *Ponzanesi S.* Postcolonial intellectuals: new paradigms // Postcolonial Studies. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 433—447.
- [Said 1986] — *Said E.W.* Intellectuals in the Postcolonial World // Salmagundi. 1986. No. 70/71. P. 44—64.
- [Salmon 2019] — *Salmon R.* The Bildungsroman and Nineteenth-Century British Fiction // A History of the Bildungsroman / Ed. by S. Graham. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 57—83.
- [Selbmann 1994] — *Selbmann R.* Der deutsche Bildungsroman. 2., überarb. u. erweit. Aufl. Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1994.
- [Steiner 2011] — *Steiner L.* For Humanity's Sake: The Bildungsroman in Russian Culture. Toronto: Buffalo; London: University of Toronto Press, 2011.
- [Stević 2014] — *Stević A.* Fatal Extraction: Dickensian Bildungsroman and the Logic of Dependency // Dickens Studies Annual. 2014. Vol. 45. P. 63—94.